

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1



СТИХИ, КАК ЖИЗНЬ

стр.4-7

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№46 (179)
НОЯБРЬ 2023



АНАТОЛИЙ
ЯБАРОВ,
КИНО,
ОДЕССА...

стр.14-15

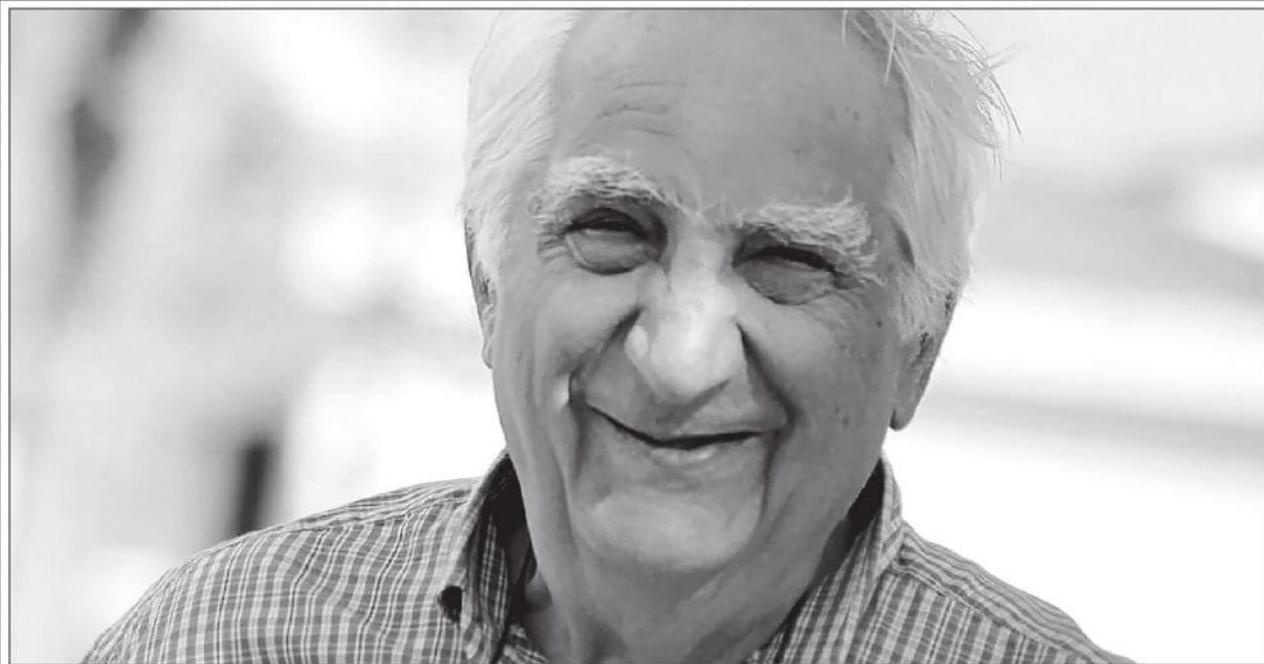
Слушать своё сердце

стр.8-11



ТРИ С ПОЛОВИНОЙ
ЖЕНЫ ВИЛЛИ
ТОКАРЕВА

стр.20



СТИХИ, КАК ЖИЗНЬ

Имя поэта Александра Тимофеевского вряд ли скажет что-либо широкому читателю. Между тем один из его стихов знают наизусть чуть ли не все жители бывшего Советского Союза. Это «Песенка Крокодила Гены».

Геннадий Норд

Да, так получилось: необходимо было срочно написать для Крокодила Гены песню, а Эдуард Успенский находился в отъезде.

Но творчество Тимофеевского куда богаче, интереснее, глубже, нежели это стихотворение для детей.

По признанию поэта он пропускает через себя социальные, политические, психологические и, в первую очередь, метафизические проблемы.

Александр Тимофеевский - безусловно, поэт трагический, - всегда и везде видит проблемы добра и любви. «Один из нас», он жил «скучно, дико и безбожно»; но это одна правда.

Он говорил:

- Я очарованный странник, восхищённый красотой мира.

И это другая правда.

Впрочем, даже песня крокодила Гены стала известной в отрыве от автора. Более сорока лет Александр Павлович был под запретом и писал в стол.

Он поразительно деликатен. Ни одна фраза, ни одна интонация не задевает никого из тех, о ком он рассказывает. Речь его полна юмора, доброго, мягкого. Между тем во многих его стихах появляется другой лирический герой - резкий, непримиримый, бескомпромиссный.

- В 1960-1970-е годы поэтического бума ты не печатался, первая книга стихов была издана только в 1990-е, когда интерес к поэзии угас. Широкий читатель с тобой по-прежнему незнам. Есть ли у тебя в связи с этим чувство обиды на судьбу?

- Разумеется, нельзя сказать, что это меня сильно радует. Но, с другой стороны, раз ты говоришь, что интерес к поэзии угас, то это касается не только меня, а Пушкина, Хлебникова и Маяковского. Молодежь не читает хороших советских

поэтов, не знает Тарковского, Кедрина. Что уж говорить обо мне.

Вообще проблема потери интереса к поэзии требует отдельного серьезного разговора.

Но, с другой стороны, есть интерес, нет интереса - поэт все равно пишет. В наше

время очень много хороших поэтов. А что касается меня, то мне помогает способность смотреть на самые печальные вещи с улыбкой:

Вчера на Волгу съездил в Конаково,
Чтоб встретить там со спиннингом рас-
свет,

И карася поймал там вот такого -
Карась в России больше, чем поэт!
- На мой взгляд, «Песенка Крокоди-
ла Гены» довольно грустная. А ты сам
как ее воспринимаешь? И почему эта
песня вдруг выстрелила, стала хи-
том?

С Кириллом Ковальджи



- Я не хотел написать грустную песню. Мне, наоборот, хотелось написать веселую, но критики не раз отмечали, что минорные ноты характерны для моей поэзии. На вопрос, почему она стала хитом, ответить не могу. Я считаю, что удача песни в первую очередь зависит от композитора.

- Что привело тебя в мультипликацию?

- Безденежье, безработица и восхищение фильмами режиссера-мультиплектора Бориса Дёжкина. Они по-разительные по своему ритму, и тем близки поззии. Еще меня привлек мир людей, работающих в мультипликации, милых, славных, добрых, до страстности лет играющих в куклы.

- Когда ты начал писать стихи?

- Сочинять я начал рано, лет в пять. Тетушка записывала стихи в синенькую тетрадочку. Я жил тогда с бабушками и тетев в прекрасном городе Изюме под Харьковом. Там была гора Кременец, вся увитая лиловым чабрецом, нежная дубрава, мельница, великолепный базар и конская ярмарка. Мне повезло - Украина меня обласкала.

Велимир Хлебников писал: «Я взращен лучшими зорями России».

А я, наверное, лучшими зорями Украины. Хотя родился в Москве, но детство провел в Украине. Повзрослев, спрашивал у тети, когда я писал лучше, в детстве или сейчас? Конечно, в детстве, неизменно отвечала тетка.

Между прочим, тетя Екатерина Павловна Тимофеевская сама была прекрасной поэтессой, по образованию она художница. Работала как художник-монументалист, а про свои стихи, которые начала писать, когда испортилось зрение, говорила:

- Какой поэт? Поэтому я буду в следующем воплощении.

А тетрадочка та с моими детскими стихами пропала во время войны.

- Ребенком ты жил в блокадном Ленинграде. У тебя от этого времена остались тяжелые воспоминания или детское восприятие смущило их?

- Меня окружали добрые, веселые и, главное, замечательно мужественные люди. Как ни странно, будучи ребенком, я это чувствовал, восхищался и гордился этими людьми.

- Почему твои стихи оказались под запретом?

- На это было много причин, а главной стало то, что я попал в рукописный журнал «Синтаксис» Александра Гинзбурга - известного правозащитника, яростного диссидента, держателя фонда Солженицына, но, как оказалось, еще и великолепного знатока поэзии.

В то время по Москве ходило много стихов в рукописях. Хорошие они были или плохие, но девушки переписывали их себе в тетрадки. И вот среди всего этого, представь себе, он безошибочно выбрал для своего самиздатовского журнала стихи никому не известных тогда поэтов: Иосифа Бродского, Юнны Мориц, Беллы Ахмадуллиной, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Еремина, Уфляндия, Рейна. Ну и я затесался в такую хорошую компанию.

- Твое стихотворение «На смерть Фадеева» было помещено в «Синтаксис»?

- Нет, там были другие стихи, это стихотворение имеет свою историю. В эпоху «реабилитанта», когда моя свояченица Майя Улановская вернулась из ГУЛАГа (в 18 лет она была приговорена к 25 годам лагерей), она рассказывала, что отбывала заключение вместе с Выриковой. В романе «Молодая гвардия» Вырикова была отведена отрицательная роль предательницы. Позже выяснилось, что Фадеев ошибся. Но человека попал в лагерь, и часовые с вышки подстерегали ее, чтобы подстрелять.

Мне было 24 года, когда я услышал этот рассказ, он очень меня впечатлил. Тогда же стала ясна роль Фадеева в репрессиях среди членов Союза писателей. В результате я написал это стихотворение-листовку и решил сбрасывать его с хоров Ленинской библиотеки. Несколько машинисток печатали эти листовки. Но я заболел

С Евгением Рейном и Юрием Кувалдиным



и с очень высокой температурой попал в Боткинскую больницу. Пролежал там едва ли не четыре месяца, время ушло. Как говорится, дорого яичко к Христу-дию.

Но потом стих все же оказался в КГБ.

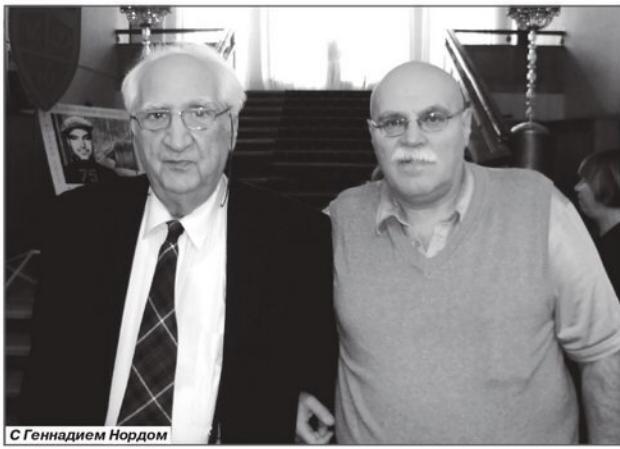
- Да, это стихотворение сохранилось, но я знаю, что многие твои стихи того времени пропали. Раскажи, как это произошло?

- Получилось так. Меня вызвали повесткой в КГБ, ну, думаю, со дня на день будет обыск, надо уничтожить компромат. Взял рукописи, вывалил их в ванну и стал жечь. Пришла мама, увидела все это, закричала, что я ума сошел! Я, конечно, не мог сказать, про

КГБ, говорю, у меня творческий кризис, новый период наступил, решил все старое сжечь. Она - делай, что хочешь, но только не у меня дома, поезжай на дачу к родственникам жены. А они недавно вернулись из ГУЛАГа. Если я туда поеду, не дай Бог, втянусь в эту историю.

В конце концов, сложил стихи в чемодан и выбросил на помойку. Потом оказалось, что чемодан этот все же попал куда следует. Стихи из чемодана мне предъявляли на допросах. Поскольку там были не только мои, но переписанные мною стихи других поэтов, я в этих случаях говорил, что не знаю, кто автор. Свои - признавал.

С Андреем Яхонтовым



С Геннадием Нордом

- Ничего по памяти не смог восстановить?

- Понимаешь, я прожил большую жизнь. Даже странно, сам поверить в это не могу. За это время стихи терялись, забывались во многих переездах и без помощи КГБ.

- Как ты относишься к тому, что многие испытывают ностальгию по прежним временам?

- Конечно, в прежней жизни у каждого было не только плохое, но и много хорошего. Но я не могу себе представить, как можно испытывать ностальгию по системе, при которой оказался возможен геноцид собственного народа. Высокими словами прикрывались чудовищные злодействия, социальный эксперимент обернулся экономическим крахом страны. Уничтожены миллионы, высланы лучшие. А самым страшным преступлением мы еще и гордились. Нам в школе говорили, что наша страна превратилась из аграрной в индустриальную. Но какой ценой это было достигнуто - в насилии, коллективизации, раскулачивании погибли миллионы крестьян! Сейчас многое мне тоже не нравится, особенно то, что творится в последние времена, и я думаю, что во многом это от того, что прошлое нас не отпускает.

- Ты работал на студии «Союзмультфильм». Что сейчас происходит с анимацией?

- Со студией «Союзмультфильм» произошло то же, что и со всей страной. Раньше студия была налаженным заводом. При ней существовали курсы мультипликаторов, работали лучшие режиссеры, они воспитывали смену. Но это все сломалось, большая студия раскололась на сто частей, возникли маленькие студии. И среди них есть такие, где работают три-четыре человека.

У нас много талантливых режиссеров, художников, аниматоров, которые ежегодно делают очень интересное анимационное кино, но совершенно не налажен прокат мультфильмов. Новые работы можно увидеть два раза в году на фестивалях. Лучшие мультфильмы показывают еще в Доме кино. Вот и все. Их могут увидеть профессионалы, а до широкой публики они, практически, не доходят.

- Как пишутся стихи? Или это невозможно объяснить?

- Да, это объяснить очень трудно. Я глубоко убежден в том, что главное - это любовь. Когда работаешь над стихами, любовью должно быть переполнено сердце. А, в общем, настоящие стихи идут сверху. Это как бы свыше.

Окончание. Начало на с.5

- Почему ты выбрал сценарный факультет ВГИКа? Всё-таки ты поэт.

- Это была чистая случайность. Дело в том, что для меня главными всегда были стихи. Я подал документы и свои литературные работы в Литературный институт имени Горького. Тем более он мне нравился тем, что был совсем недалеко от моего дома. Но мне не повезло: как раз в этот год не принимали десятиклассников, а принимали только людей с производственным стажем. И тогда с горя я поступил во ВГИК.

А через год они прислали мне письмо:

«Где вы, что с вами? Мы хотим, чтобы вы учились у нас».

Но я подумал, что не хочу опять проходить все экзамены. Здесь, во ВГИКе, я бы уже опекаем очень хорошиими людьми. Моим руководителем был кинодраматург Алексей Яковлевич Каплер, можно было всегда пойти к Евгению Иосифовичу Габриловичу, замечательному мастеру, одному из лучших киносценаристов и писателей. Он всегда себя заявлял как писатель, но он и один из лучших драматургов России. Был у меня еще один наставник - Иосиф Михайлович Маневич. Это многолетний редактор «Мосфильма», удивительно прекрасный человек. Вот с такими учителями я оказался во ВГИКе.

- Как ты все-таки относишься к тому, что тебя знают как автора песенки крокодила Гена?

- Ой, я очень сердусь на это. Во время проблем с КГБ, мы как-то не очень хорошо понимали друг друга, меня не издавали. Так что мои книги начали выходить только в 1990-е годы. В том числе детские. Эти стихи писались для семейного чтения, и главным образом для нашей дочки, Анечки. Анечка росла и росла, я как-то этого не замечал. Потом она стала руководить одной из крупнейших выставок современного искусства - Московской международной биеннале, выставкой художников-экспериментаторов, авангардистов. У неё талант организатора, а я всё думал: «Анечка, маленькая девочка...»

И сочинял для неё, и так довольно много сочинял.

С женой Натальей

А если говорить про «Пусть бегут неуклюже...», тут своя история была. Худсовет принял песню, всё хорошо, замечательно. Звонит композитор Борис Шанинский:

- Слушай, мне что-то не нравится эта песня, давай ещё поработаем.

Я отвечал:

- Конечно, давай, кто же будет противствовать против лучшего?

А, как говорит моя жена Наташа, я большой лентяй. Наверное, так оно и есть. Я что-то заволнился. Тогда Шанинский взял меня за шиканию и притянул к Ромуану Качанову, замечательному человеку, режиссёру «Чебурашки». Идея Шанинского была превратить припев в запев, если я не плюю. В общем, что-то надо было поменять местами, что-то написать заново. И вот они вместе с режиссёром незаметно заперли меня

на кухне. Сами сели играть в шахматы, и пока они сделали 10 партий-блэц, был написан новый вариант песни.

- Ты помнишь свою блокадное детство?

- Да, прекрасно помню. Я очень хорошо помню всё то, что со мной происходило после трёх с половиной лет. Я как котёнок, у которого прорезались глаза, и вот я, наконец, увидел мир не вверх ногами и не дискретно, а так, как его видят все люди.

А война началась, когда мне было уже восемь лет. Помню очень хорошо первый день и то, что было дальше. Что мне запомнилось в блокаду?

Надо сказать, что, может быть, никогда в жизни я так не гордился русскими людьми, как тем окружением, в котором я, ребёнок 8 лет, оказался в осаждённом Ленинграде. Это были

замечательные люди, они вели себя героически. Они были удивительными оптимистами. Они шутили, смеялись, заботились обо мне. И до последней минуты не поддавались слабости. Я со стыдом думаю, что сейчас, в мирное время, я легко теряюсь и не знаю, как быть.

В нашей квартире тогда жил дальний родственник с кудрямым именем Алефтан. Он варил себе из столярного клея суп, ничего лучшего не было. Человек он был громадный, и ему требовалось гораздо больше питания, чем этот столярный суп. Но он пел, он постоянно пел. И пел за несколько часов до смерти. Веселочки, шутники, очень добрые.

Это детское впечатление, но я не могу его заменить. Оно каким было, таким и осталось. В школу я пошёл уже в эвакуации...

- В твой дом попала бомба?

- Да. По счастью, в квартире в тот момент никого не было. После войны дом восстановили, но не целиком, и потому он выглядел немного странно - вместо части дома там сегодня просто сквер. Этот сквер - как раз то место, куда упала бомба.

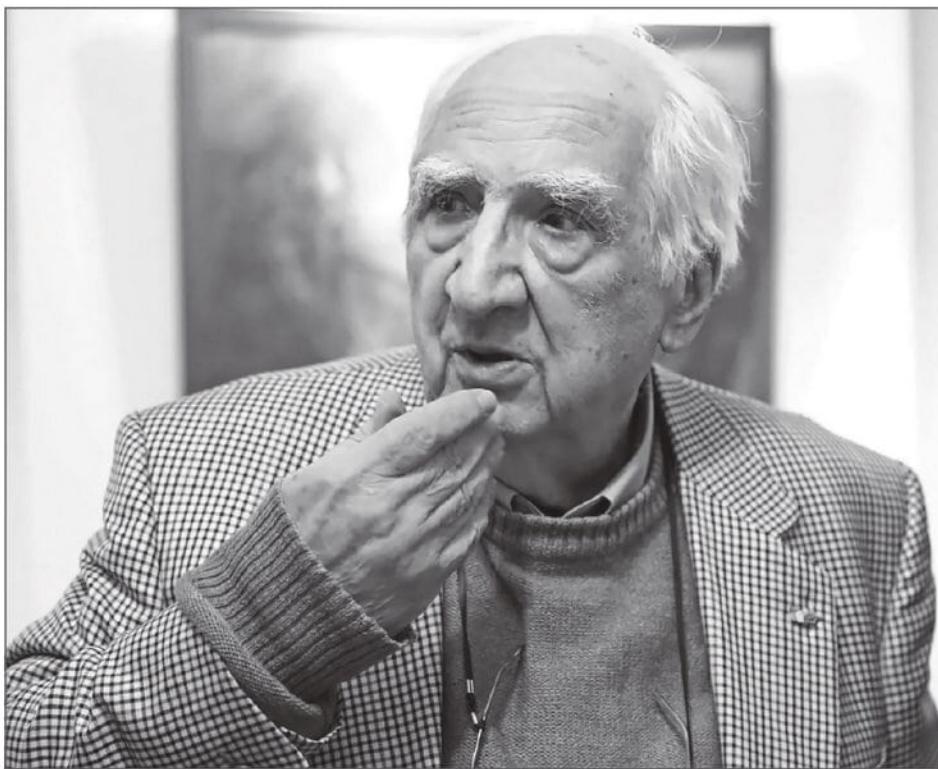
А до этой бомбы была ещё одна, павшая в другую часть нашего дома. Воздушные тревоги были без конца. Постоянно выла сирена, но сигналы запаздывали. Не успевали дать сигнал, а немецкие самолёты были уже над нами. Мама рассказывала, что женщина одевала троих своих маленьких детей, и в это время в её квартиру врезалась бомба. Она как-то всех трёх к себе прижала, и они пролетели с верхнего этажа до самого низа, и все остались живы. Пятистокилограммовая бомба, по счастью, не взорвалась.

- С КГБ ты столкнулся первый раз еще ребенком?

- Школьником ходил в литературный кружок при Московском доме пионеров. В кружке студенты-первокурсники и школьники, решили ещё и самостоятельно изучать творчество поэтов, читать стихи. И заодно начали читать труды Ленина и обнаруживали расхождение между этими трудами и действительностью. Нас сдали, было несколько доносов. После войны, в 1948-1949 годах, КГБ устроил провокации, «дело юных ленинцев». Ребят арестовали. Трёх старших расстреляли. Мне было 14, им по 17 лет. Тогда они были для меня старшими, а когда я перешагнул их возраст, они остались для меня на всю жизнь детьми.

- Как это - сидеть, писать дома, и ничего не печатают. Довлатов очень тяжело это переносил.

В жизни очень много всяких трудностей. Огромное количество выпадает



на долю каждого человека. Наверное, конечно, хотелось увидеть напечатанным то, что я писал. Но я очень полюбил мультипликацию. Там работали замечательные люди, я попал в самый расцвет «Союзмультифильма». Там были такие люди, как Николай Робертович Эрдман, его друг Михаил Давыдович Вольгин, лучшие драматурги России. Мне посчастливилось из-за цензуры стать некоторым образом соавтором Эрдмана. Он написал сценарий «Снегурки», режиссёром был Владимир Дегтярёв. Замечательный режиссёр, он сделал любимый многими мультфильм «Кто сказал "мяу"». Но оказалось, что оба они для Госкино плохи и нужен объяснительный текст. Эрдман писать насторож отказался. Он сказал:

- Никакого текста я делать не буду, всё самодостаточно.

Директор относился к нему с большим уважением, объявили:

- Николай Робертович, фильм же не выйдет тогда.

И Эрдман предложил написать текст мне, и я написал текст для «Снегурки».

- Ты говорил, что с Хлебниковым вас познакомил школьный учитель. Причём, необычным образом.

- Мое первое сочинение, кажется, седьмой класс, начиналось так:

«Давным-давно когда-то, бездушной и пустой семье аристократа родился граф Толстой...»

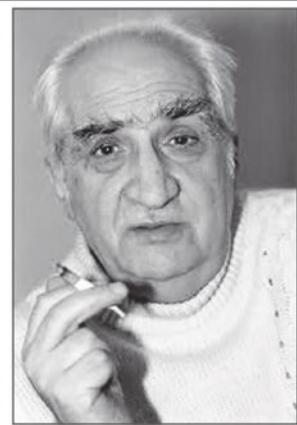
И заканчивалось такими строчками:

«И прессой был он признан, и принял хорошо, но всё же смысла жизни до смерти не нашёл. И, затаив тревогу, не понятый людьми, он отдал душу Богу, Аллах его возьми».

Мне было лет 13. Мы должны были написать сочинение на рассказ Толстого «После бала». Нам дали четыре урока, первые два часа вёл чёртёжник, поскольку он нам отдал свои часы под сочинение. Я написал эти стихи. И говорю учителю:

- А кто уже написал сочинение, может иди домой?

Чёртёжник очень удивился, я подал ему этот сложенный вдвое листочек, положил свои книжки в портфель, сделал ребятам ручкой и ушёл.



Потом меня исключили из школы. Мама ходила, за меня умоляла, через месяц меня вернули обратно.

А у нас был учитель литературы, звали его Пуз. Он был довольно полный. Он как-то встретил меня и, не глядя на меня, сказал:

- Тимофеевский, возьмите! - и протянул книгу.

- А что это такое?

- Почитайте.

- А когда нужно вернуть?

- Можете не возвращать.

И он дал мне драгоценного Хлебникова. Книшка эта у меня, к сожалению, не сохранилась. Это раритет, издание примерно 1913 года.

Я открыл книгу, и мне сразу попалось на глаза:

Муха! Нежное слово, красивое,

Ты мордочку лапками моешь,

А иногда за ивою

Письмо еши.

Это было совершенно необыкновенное открытие, чего никогда не приходилось читать. Я Хлебникова полюбил. А потом появился, уже ставший взрослым человеком, что это был мне подарок за моё сочинение.

